

ствительности-то случилось наоборот, благодаря чему Василий и получил прозвание Темного, но составителям теле-репортажа это неизвестно).

«Независимая газета» сообщила как-то, что отбыл в Тель-Авив автор проекта «Творческих мастерских» В. Мальцев с женой и ребенком. Ребенка, правда, у Мальцевых нет — вывезти за кордон они хотели собачку, да и то не вышло.

Недавно журнал «Столица» поместил на своих страницах совершенно «молодогвардейскую» по позиции статью о рок-музыке. Аргументов в защиту своего мнения — ноль, ни одно соображение не подтверждено фактическим материалом, хронология перепутана. Для завоевания репутации журналиста не надо ничего знать — довольно резко выступить не с той ноги. Журналисты все больше напоминают героинь русских народных сказок: взмахнул левым рукавом — полетели кости, взмахнул правым — перья. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

«Московский комсомолец», например, похоронил Михаила Науменко на пару дней раньше похорон.

Но вот журналу «Знамя» вовсе не хочется прощать того, что простительно «МК», «НГ» или «Столице». Потому что я уважаю «Знамя». И к литературоведу Вячеславу Курицыну я считаю возможным предъявлять претензии.

Статья В. Курицына «Жизнь с кокаином» опубликована в первом номере «Знамени» за этот год в рамках дискуссии «Литература сегодня: взгляд с двух берегов». Автор обращается, в частности, к творчеству Александра Башлачева и пишет, что теперь «можно, наверное, поговорить о нем всерьез». Очевидно для читателя, что именно В. Курицын и поведет сей серьезный разговор (в отличие от «то ли Вайля, то ли Гениса», а также не названных В. Курицыным М. Кулаковой, И. Смирнова, А. Троицкого).

Круг седьмой

«Первое, на что обычно обращают внимание: «высоцкая» фронда его песен, рокерское противостояние официальной эстетике, советской душегубке». Спор с В. Курицыным несколько затруднен тем, что не указаны люди, обращающие внимание на социальную конфликтность произведений Башлачева. Надо заметить, что лично я с такими людьми не знакома, равно как и со статьями такого рода. Говорили о том, что некоторые ранние песни А. Башлачева напоминают Высоцкого; о том, что у Башлачева есть цикл песен (три), посвященный Высоцкому. Мнение о публицистичности песен Башлачева опровергалось всеми авторами статей о поэте. Все они также писали о том, что лишь условно можно отнести А. Башлачева к рок-музыке.

Тем не менее на это ошибочное утверждение, а также на грубую фактическую ошибку опирается вся дальнейшая логика статьи. «Но объяснить его (Башлачева.— М. Т.) только как протест, как вызов, как прорыв к свободе из тоталитарного болота, невозможно. В этом случае он должен был пропеть свои песни на несколько лет раньше. Но он появился у самых дверей первой свободы где-то в районе восьмидесят пятого, когда поэт уже обязан был чувствовать, что воздух начинает пахнуть иначе, что такой рывок из рабства не рифмуется с ситуацией, что так дико кричать, как он кричал, уже странно, поздно, почти неприлично перед лицом тех, что жили раньше и круче, но так не кричали. Это было похоже на смех без причины».

Во-первых, в 1985 году никакой свободой и не пахло. Последний из музыкантов был осужден осенью 1985 года (Александр Новиков — по уголовной статье, но так осуждали всех неугодных), а следующий — 1986 год — запечатлелся в сознании тысяч людей как год борьбы с нетрудовыми доходами. Первые свидетельства либерализации появились лишь в конце 1986 года. Но даже не это главное. Александр Башлачев появился в Ленинграде и в Москве в 1984 году. С этого времени песни его были на слуху у интересующихся людей, но многие из них были написаны раньше. И кричал он на одном концерте из десяти, а «крикливая» пластинка вышла потому, что использовали максимально качественную запись, а не лучшее исполнение. Из неверной датировки делается глобальный литературоведческий вывод: «Истинно русской лире не нужны поводы для надрыда, она сама — уже повод, уже надрыд, вечный и независимый от погоды».

Следующее масштабное утверждение выводится из цитаты: «А что там было в пути? Эти женщины, метры, рубли» и комментария В. Курицына: «Ничто по сравнению, чуть не сказал с мировой революцией. По сравнению с русской свободой. Рубли, в общем, ладно, с метрами не совсем ясно, но женщины — вроде бы люди живые... увы». «В душе поэта, вместившей свистящие русские пространства, не остается места для дома, для красоты, для любви».

Цитата взята из стихотворения «На жизнь поэтов». «Не верьте концу, но не ждите иного расклада. А что там было в пути? Эти женщины, метры, рубли — неважно, когда семь кругов беспокойного лада позволяют идти, наконец, не касаясь земли». То есть действительно все неважно по сравнению со смертью, по ту сторону жизни. А о мировой революции и русской свободе в этой песне — ни слова, ни звука. Зато о доме, красоте, любви — каждый звук, каждый слог, каждая строка Башлачева.

«Он мог пропеть «я люблю» так, что казалось, он может убить. Что-то подобное было в чьих-то воспоминаниях о Есенине — когда милашка Есенин начинал читать стихи, казалось: этот может резать... Любовь в песнях Башлачева шла «горлом»: все та же кровь». Нелепо переносить суждение об одном человеке (Есенине) на творчество другого. Нелепо делать из одной строчки («лежи и смотри, как горлом идет любовь») вывод: «Все так же русский абсолютизм заканчивается кровью и смертью». Суждение основывается на отсутствующей или тщательно скрываемой, чаще приблизительной информации («то ли Вайль, то ли Генис»; «что-то подобное... в чьих-то воспоминаниях» и т. д.). На самом деле Башлачев пел еще (тихо-тихо): «Ты никогда не спишь. Я тоже никогда не сплю. Наверное, я тебя люблю. Но я об этом промолчу. Я скажу тебе лишь, что я тебя хочу». Или: «Только верь мне, только пой мне, только пой мне, милая, я подпою». Или: «Но я не боюсь измениться в лице — измениться в твоём бесконечно прекрасном лице». Цитировать можно долго.

Надо не иметь слуха к чужому голосу, чтобы не услышать. Надо не иметь слуха к собственному, чтобы написать: «Эти песни восхищают — видом вывороченной окровавленной души». Помню, как блистательный Ю. Карабчиевский пенял Маяковскому за его восхищение «кровявыми тушами». Теперь восхищают не «кровявые туши», но «окровавленные души». Большой прогресс под лозунгом «Ради красного словца не пожалеешь и отца». А ради патетической концепции — истины.

Марина ТИМАШЕВА.

РОК-БАРОМЕТР

КАЗАЛОСЬ бы, к некомпетентности журналистов и газетчиков уже не привыкать. Не зная театра, они берутся судить и рядить о нем; не умея отличить ямб от хорея, рассуждают о постмодернизме; обвиняют Василия Темного в том, что он ослепил Дмитрия Шемяку (в дей-

Экран и сцена.